

84 (2p=Банк)
Б 86
780306

ИССА БОТАШЕВ

ГОРЫ
ЖДУТ

ИССА БОТАШЕВ

ГОРЫ ЖДУТ

СТИХИ
И
ПОЭМА

860306

КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК
1978

Безардечко-Балкарская Государственная издательская
Библиотека имени Н. К. Крупской
г.р. нальчик, ул. Негмова, 42

В новую книгу известного балкарского поэта и драматурга Иссы Боташева «Горы ждут» вошли одноименная поэма и стихи о родном крае, о духовном облике ее людей.

Основная идея поэмы «Горы ждут» предельно точно и емко выражена в эпитафии: «Если б только и было суждено в жизни телом остановить пулю, летящую в сторону Родины, то и для этого стоило родиться на свет!» (Л. Леонов.)

Б 0742—084
М 125 (03)—78 37 — 78

С КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»,
1978 г.

СТИХИ

МОЙ ВЕК

Познал я в мире солнца свет
бездобрый
И тьму ночную века моего,
Зари весенней первый проблеск
нежный,
И снежный сумрак века моего.

Как листья на земле, цвели заплаты
На одежонках века моего,
Но жемчугом в руках моих и златом
Сверкало счастье века моего.

Солому жег и грелся не однажды
В ночах студёных века моего,
На перевалах — от жары и жажды
Сводило губы века моего.

Уже на далях зорь его рассветных
Есть очертанья века моего.
Мы только говорим, что мы
бессмертны —
Предельны годы века моего.

Исполнив, что завещано отцами
Сынам, погодкам века моего,
Мы наше дело завещаем сами
Счастливым внукам века моего.

И если не успеем мы чего-то
Закончить к сроку века моего,
Не пропадет — исполнится работа
Преемниками века моего.

Отчизне великой клянусь я в своей
любови непритворной.
Из странствий далеких вернусь я
к своей
республике горной.
Вернувшись, хочу, чтобы ветром
родным
в лицо мне пахнуло,
Чтоб в ветре почуял я сладостный дым
родного аула,
Чтоб песня, с которой я с детства
знаком,
вблизи зазвучала
И чтоб, наконец, я увидел свой дом —
Отчизны начало.

Меня поил здесь каждый ключ,
В зной леденя струею губы,
И очертанья этих круч
Глазам привычны, сердцу любы.
Но не родник, не пик в друзья
Себе я все же выбираю,
А — горцев, верных, как и я,
Ручью, скале, родному краю.

У доброго одна забота:
Не страждет ли с ним рядом кто-то?
Готов отринуть сон и ночь,
Лишь только бы кому помочь.

Жестокость доброму?! О, нет!
В душе его вершинный свет,
От снега он, что чист и прочен,
Пылинки нет — так непорочен!

О, счастлив тот,
Кто с добрым рядом!
Не знает он обиды ада.
Счастливец,
Бди и берегай
Доставшийся так просто рай.

Живу воспоминанием одним
И не вернусь обратно на свиданье
К тем дорогим красавицам моим,
Чья красота —
Одно воспоминанье.

Особенно мне юность дорога
Теперь, когда иду я к перевалу,
Когда прошли дожди,
Идут снега,
Когда в душе не все отгоревало.

Теперь не заарканить мне коня.
Все это было,
И не позабыто.
Но девушки улыбкой не меня
Приветствуют,
А юного джигита.

У молодости слишком краткий век,
Промчалась журавлиным шумным
клином,
Посеребрила волосы,
Как снег —
Тот перевал,
Что видется вдали нам.

Промчались годы,
Словно скакуны
На скачках возле нашего аула.
Орлом, упавшим камнем с вышины,
Передо мною юность промелькнула.

ЛЮБОВЬ НЕ УМИРАЕТ

Звезда перестанет лучиться —
Был свет, и внезапно исчез, —
Бывает, летящая птица
Обрушится мертвой с небес.

Вершины рассыпятся прахом,
Вулкан переплавит гранит,
И правда, не ведая страха,
Извечное зло сокрушит.

Кипящая лава остынет,
В огонь обратится вода, —
Моря превращались в пустыни,
В безмолвную пыль — города.

Как легок наш тур круторогий,
Живущий на воле среди скал, —
И он покидает дороги,
Которые сам протоптал.

Что будет — туманом повито,
Одно только знает любой:
И старцу свой час, и джигиту
Придет. Но бессмертна любовь.

Она только в мире нетленна,
Всегда ее силы свежи,

Пред ней расступаются стены
Вражды, предрассудков и лжи.

С ней легче покажутся беды,
Ведет она в ясную высь,
И тот, кто любви не изведал —
В темнице томился всю жизнь.

Светясь и бушуя, как море,
Волшебно сплетает в одно
И мед, и полынную горечь
Любви золотое вино.

Не вечно ничто во вселенной,
Но вечно на все времена
Любовь остается нетленной
В истоке всей жизни. Одна.

ГЛУХОНЕМОМУ БРАТУ

Родился ты, как и любой из нас,
Отрезала старуха пуповину.
И мать, не вытирая мокрых глаз,
Взглянула просветленная на сына.

Прошла зима, потом весна, — ты рос,
Мать, напевая, колыбель качала
И гладила пучок твоих волос,
И ничего еще не замечала.

Мать пела колыбельную тебе,
Не зная, что не слышишь ты ни слова,
Не чувствуя беды в твоей судьбе,
А ты лишь улыбался бестолково.

И вот настал тот день, когда она
Обледенелым сердцем уловила:
От всех людей молчания стена
Навек ее сыночка отделила.

Померкло для нее сиянье дня,
И едкое вонзилось в душу жало,
Она, коль привелось бы, из огня
Способность говорить ему достала.

Страдая, мать молила вновь и вновь,
В душе надеясь, что свершится чудо.

Мой добрый, благородный, милый брат,
Не высказавший столько слов
заветных.

Судьбу несправедливую клянчу,
Но ты по-своему счастливее любого —
Ведь никому обиду ни одну
Ты не нанес несправедливым словом.

860306

2. И. Боташев

Библиотека имени И. И. Боташева
ул. Пушкина, 20. Москва.

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Молю я белых журавлей,
Летящих надо мною,
Махнуть крылом горе Жанбаш,
Был дружен я с горою.

О журавли, что в синеву
Вписались белым клином,
К струям спуститесь Гирхожан,
К родным моим вершинам.

Внизу увидите аул,
Я здешний, в нем родился,
К полянке с именем Тапшин
С приветом пламенным моим,
Пусть бы вожак спустился...

Давно я диких груш не ем,
Забыл я вкус кизила,
Но власть ущелия Юрдую
Навек меня сразила.

За доброту моих вершин
И гор моих ручаюсь я,
О журавли, доверьтесь им,
Когда в пути отчаяться.

Настанет час, когда на юг
Обратно полетите,
В усладу мне земли родной
Хоть горстку принесите!

На кобуз девушек игру
Услышите, быть может,
В ней шелест трав и рокот вод —
Нет звуков мне дороже.

В игре той слышен вековой
Кинжала гнев и хрип врага,
Платись, пришелец, головой,
А нам свобода дорога!

О журавли, вы так чутки,
И различать должны вы
В простой мелодии игры
Всей жизни переливы.

Орла услышите крыльев взмах,
И схватку гневных туров,
Когда у них рога звенят
Подобьем горных гулов.

О птицы белые мои,
Печаль мою поймите:
Вы каждый год в мои края
К земле моей летите.

Так говорил когда-то я,
К ним руки простирая,
Но не услышала меня
Заоблачная стая...

Лишь матерям за детей своих больно,
Смотрим за вами и с той стороны...

Слышу — бранят тебя денно и ношно...
Нет, не народ! — ты народом любим,
Будешь служить ему даже сверхсрочно
Делом, душою, талантом своим.

В доме своем ты не знаешь почета,
Здесь доброта твоя хуже врага.
Старишься рано,
Лицо как в тенетах,
Глаз твоих живость тоска облегла...

Внуки мои нерожденные,
Где вы?
Зорко смотрела на землю я вниз.
Все колыбельные спела напевы,
Внуки другие отозвались...

Ты одинок...
Пред тобой мои руки.
Их не жалела, лаская детей,
Добрых возрастила,
За что ж тебе муки,
Лучший из всех моих сыновей?

Мягкому волосу гребень железный,
Вот что судьба подарила тебе.
Больно, сынок, не найду себе места
В нашей родной каменистой земле...

Рядом с тобою на белой подушке,
Мягкость которой ты честно делил,

ПОЭМА

ГОРЫ ЖДУТ

Если б только и было
суждено в жизни телом оста-
новить пулю, летящую в сто-
рону Родины, то и для этого
стоило родиться на свет!

Л. Леонов.

Аул наш древний пережил века.
Его покой хранили горы хмуро.
Вершины гор ныряют в облака
легко и настороженно,
как туры.

Как облака, вершины гор белы.
Поют потоки, рвутся с гор в долины.
И любят эту высоту орлы,
и любят горцы этот край орлиный.

Потокам горным петь бы веселей,
но раздавалась музыка печали,
и капали в них слезы матерей,
что сыновей своих в крови встречали.

С бедою разминуться не могли.
Здесь стон стоял о близком человеке.
И слезы по щекам родной земли
текли,
а не потоки и не реки.

Теперь у песен рек иной размах,
и только вспоминается в печали,
как горцы гарцевали на конях,
защиту видя лишь в своем кинжале.

Хлебнул здесь горя горский человек!
Кто со скалы высокой падал в воду,
и уносили воды горных рек
тех, кто погиб,
сражаясь за свободу.

Услышишь и сейчас в кругу друзей,
как девушки бежали в эти горы,
в ответ на притязания князей
бросались вниз,
спасаясь от позора.

Легенды горские еще и до сих пор,
как эхо старины, доносят вести

о тех, кто смертью искуплял позор,
кто мстил врагам за поруганье чести.

Плач матерей по сыновьям своим!
Как можно пережить спокойно это?
Вся в трауре земля,
казалось им,
и никакого не было просвета.

Так проходили черные века,
и злой огонь овладевал сердцами.
Сменялись поколения, пока
шла вечная вражда меж их отцами.

Как скалы,
терпеливые всегда,
зари желанной долго горцы ждали.
Но свет образования сюда
не шел,
застрял на дальнем перевале.

Любой из горцев был силен, могуч.
Их руки в ожиданье не ослабли.
Когда сверкнул надежды светлый луч,
он сразу отразился в каждой сабле.

Свобода!
Как мечтали здесь о ней!
Свободы день стал близок и возможен.
Вскочили горцы гордо на коней,
мечи возмездья вырвали из ножен.

Над ними,
правдой ленинской горя,

взметнулось, полыхая над горами,
как яркая рассветная звезда,
свободы,
чести,
новой жизни
знамя.

Шел сын с отцом,
брат с братом рядом
в бой
шли, веря в силу,
в мужество народа,
и погибали,
жертвуя собой,
чтоб в горный отчий край пришла
свобода.

Не возвратились многие из них,
Им вкус свободы новой не изведать.
А на устах оставшихся в живых
звучало слово гордое —
«Победа!»

В сердцах людей,
как в жизни тень и свет,
остались боль и радость.
В этом сплаве
боль от потерь и радость от побед
борцов,
которых мы забыть не в праве.

Седой Эльбрус по-новому взглянул
на мой аул,

с надеждою во взоре.
Туман ушел.
Свет дня пришел в аул.
С приходом счастья так уходит горе.

Как долго счастья мой аул искал.
Он зажил новой жизнью, новой целью.
Бодают волны лбы гранитных скал,
шумит, поет Баксанское ущелье.

С подоблачных высот,
из тьмы веков
к Баксан-реке,
звеня на всю округу,
несущие прохладу ледников
Кыртык и Адыр-Су —
бегут два друга.

Я помню, как на берегу Кыртык,
где все мне с детства близко
и знакомо,
к скале крутой придвинувшись
впритык,
стояли два добрососедских дома.

Распахнутыми окнами они
глядели в мир над речкой
быстротечной.
Как речка, быстро проплывали дни,
казалось, вечно им катиться
в вечность.

Когда заря в их окнах, как в глазах,
и солнечные блики отражались,

почти одновременно в двух домах
два очага семейных загорались.

Но дням не вечно безмятежно течь.
Я в памяти отыскиваю слово,
чтоб повести о тех соседях речь,
про сына одного и дочь другого.

Диск луны светился, как фонарь,
над Большим аулом, над долиной.
Соловей, прекрасных песен царь,
пел всюду на ветке тополиной.

А по берегам бурливых рек
горы встали, словно в карауле.
Вечером родился человек,
маленький росток в Большом ауле.

Раньше громом из ружейных дул
возвещали о рождении сына,
бабку в помощь присылал аул.
Бабку заменила медицина.

Горцы обращаются к врачу.
Ружья опустили свои дула.
Мальчик,
вестник счастья —
суйюнчу,
с криком мчит по улице аула.

Никогда еще за много лет,
сколько он живет на этом месте,

так вот не был рад Харун,
сосед,
как сейчас,
при этой светлой вести.

Суйюнчу вершит свой славный бег,
прокричал и где-то дальше скрылся.
Горец рад: родился человек,
да еще у друга!
Сын родился!

Разве радость выразят слова?
И Харун предутреннею ранью,
засучив повыше рукава,
тушу стал разделывать баранью.

И соседки,
по законам гор,
начинают хлопотать.
Соседки
просят поскорей разжечь костер.
Юноши уже сложили ветки.

Дым пошел. Взметнулось пламя вверх.
Можно опалить и жарить тушу.
Искры взвились вверх,
как фейерверк,
затрещали то сильнее,
то глуше.

И пошло уже на всех парах.
Кто грустил,
тот сбросил грусти маску.

Эхо отзывается в горах
на хлопки,
на музыку,
на пляску.

Впереди джигиты тут как тут
в танцевальном круге,
в серединке.
Девушки, что лебеди, плывут,
парни скачут в бешеной лезгинке.

В силе состязаются борцы.
Тот спокоен, тот горяч, как пламень.
Рядом соревнуются юнцы,
мечут вдаль почти пудовый камень.

А Харун волнуется всю ночь,
у него жена лежит с обеда:
разрешилась сыном бы,
точь-в-точь
праздник был бы
что и у соседа.

Но вбежала юная Зайнаф,
гости замолчали в миг единый.
Как Харун был счастлив,
вдруг узнав
о рожденьи дочки,
а не сына!

За столом седой, как нарт, Ахмат
встал степенно с поднятою чашей.
Над глазами у него висят
брови,
как кусты в долине нашей.

Стар, но крепок, как столетний дуб.
Взгляды ловят губ его движенье.
Здесь к словам, слетевшим с этих губ,
было, как к Эльбрусу, уваженье.

И питья немало и еды,
и для тостов полное раздолье.
Но лишь с позволенья тамады
тосты прозвучат в таком застолье.

Добрые, веселые глаза,
добрых чувств и слов переизбыток.
В полной чаше пенится буза,
дедовский чуть-чуть хмельной
напиток.

Как во все, наверно, времена,
спор возник: какое выбрать имя?
Кто-то называет имена,
кто-то заменяет их другими.

Имя человеку трудно дать,
трудно выбрать имя человеку.
Ведь оно должно сопровождать
человека до скончанья века.

Возражат мне: разве дело в нем,
пусть оно дано тебе навеки,
мы хоть сто имен переберем,
суть не в том,
все дело в человеке.

Но мы все же неразлучны с ним.
Как потом ни охай и ни ахай,

с неудачным именем своим
не простишься,
как с плохой рубахой.

Имя не отправишь на базар,
да и не отдашь его задаром.
Девочку назвали Жаухар.
Мальчика решили звать Зуфаром.

Сменяют,
как солдаты на посту,
зима и лето каждый год друг друга.
То горы и долины все в цвету,
то белый свой наряд приносит вьюга.

Всему, в горах живущему, на страх
лавина —
как солдаты в наступленье.
Но снова бурно тает снег в горах,
морозы отступают:
потепленье!

Туман от ветра пятится назад,
уходит, уползает из ущелий.
И солнце наступает,
как солдат,
врага настигший в блиндаже и в щели.

И ты, поэт, за солнцем поспеши,
в сердцах обледенение разрушив,

вдохни в стихи тепло своей души,
желанным гостем будь в домах
и в душах.

Ты в песнях воспевай родной народ,
его героев и его природу,
его детей.
Пускай и в них живет
желанье быть достойными народа.

Вложи в свои слова душевный жар,
и пусть тобой воспеты будут дети,
пусть тем живут Зуфар и Жаухар,
чем их народ живет на белом свете.

Матери, дарующие нам
счастье жизни,
вольный дух свободы,
дав благословение,
сынам
помогали вынести невзгоды.

Жертвовали матери собой,
не могли принять судьбу иную,
посылали сыновей на бой,
чтобы защитить страну родную.

В грозные войны великой дни
не сломило их лихое горе,
помогали сыновьям они,
не смыкая глаз,
встречали зори.

З. И. Боташев

Посылали бурки фронту в дар,
шерсть валяли и дубили кожу...
Видели Зуфар и Жаухар,
как трудились матери их тоже.

Труд,
и по хозяйству канитель,
и отлучки на базар нередки...
Каждая качала колыбель
и свою и занятой соседки.

Годы шли.
Однажды к сентябрю
(незаметно подрастают дети!)
подарили им по букварю.
В сентябре земля была в расцвете.

В школе первый прозвенел звонок.
Всех детей расставили по парам,
и тогда на первый свой урок
Жаухар, как с братом, шла с Зуфаром.

Кто-то было из учеников
Жаухар обидел,
да куда там:
испытал он силу кулаков,
встретившись с ее бесенком-братом.

На уроке мальчик Сулемен
Жаухар подергал за косички,
а потом в одну из перемен
встретился с защитником сестрички.

С малолетства к знаниям влеком,
был Зуфар обычно занят делом,
он хорошим был учеником
и считался парнем честным, смелым.

Говорят: «По шапке видно тех,
кто сражает волка первой пулей».
И Хасан хотел, чтоб лучше всех
сын его воспитан был в ауле.

Чтобы не чурался он труда,
сам пример показывал ребенку.
Так орел у горного гнезда
учит крылья ощутить орленка.

Чтобы все умел его сынок,
мальчика брал в поле,
на охоту.
И Зуфар косить косою мог,
мог работать до седьмого пота.

А в соседнем доме
Жаухар
помогала матери по дому:
приберет, поедет на базар...
Да и не могло быть по-другому.

Как же быть могло наоборот?
Подказали древние века мне:
любит труд издревле наш народ,
даже может выжать хлеб из камня.

Дни летят,
проходят годы,
исчезают кто куда,
как по речке пароходы,
как по рельсам поезда.

Парень в техникум уехал.
Вот уже четвертый год,
пожелав ему успеха,
Жаухар Зуфара ждет.

Красота ее в расцвете,
как весной в горах цветы.
Не встречал нигде на свете
я подобной красоты.

Все джигиты взгляды прячут,
как она пройдет тропой.
Красоту ее и зрячий
замечает
и слепой.

А Зуфар? Он стал джигитом
гордым, стройным, как лоза.
Хоть и молод, старики там
хвалят парня за глаза.

Да, Зуфар такой кудрявый,
взор орла,
в нем блеск ума.
Он не гонится за славой,
слава льнет к нему сама.

Как отец и мать родная,
презирает лесть и ложь.
Он идет по жизни, зная:
«Что посеешь, то пожнешь».

Никогда Зуфар не трусил,
не боялся высоты.
Он однажды на Эльбрусе
среди льда нашел цветы.

Среди льда цветы?
Откуда?
Тут такие холода!
Он воскликнул:
«Что за чудо!»
Гейзер бил из-подо льда.

Не иначе,
на удачу
среди льда росли цветы
и источник бил горячий
среди вечной мерзлоты.

Он собрал цветов немало
и с утеса на утес,
словно тур по горным скалам,
вниз, в аул букет понес.

Ночь подкралась понемножку,
и уснула Жаухар.
Только слышит: стук в окошко.
Смотрит, кто это?
Зуфар.

Жаухар казалось,
вроде
видит милого во сне.
Или это призрак бродит
в темноте и в тишине?

Но Зуфар, не так робея,
как недавно, кинул взор.
А она в ответ:
— К тебе я
выйду.
Ты входи во двор.

Он сказал:
— Ходил я в горы
и принес тебе букет...

Было каждому в ту пору
восемнадцать юных лет.
В эти годы как ревнуем
мы любовь своей мечты.
Были первым поцелуем
эти первые цветы.

Был букет душист и ярк.
— Я тебе сказать хочу...
Все без слов сказал подарок,
вестник счастья,
суйюнчу.

Он добавил только малость,
он сказал ей:

— Если мне
Жаухар не улыбалась,
я страдал, горел в огне.
Я могу взлететь, как ветер,
выше горного орла,
чтобы ты была на свете,
чтобы счастлива была.
Жизнь — то рай,
то хуже ада,
оттого, как взлянешь ты.
Но и рая мне не надо.
Ты — мой рай, моя отрада,
не гаси моей мечты.
Я живу своей мечтою,
в сердце я ее несу.
Ни с какою красотою
не сравню твою красу.
Всех дороже мне,
всех ближе
стала ты давно.
И тот
день, когда тебя не вижу,
долго тянется,
как год.
День такой не интересен,
и тоскую я, любя.
Если б знала, сколько песен
сочинил я про тебя.
Если скажешь мне словечко
или взглянешь на меня,
вроде я в твоей уздечке
в роли смиренного коня.
Для меня ты боль и счастье,
и мороз и жар в крови,

я в твоей всецело власти,
в кандалах твоей любви.

Жаухар сказала:

— Много

я мечтала, как и ты.

Пусть кто хочет, судит строго,

ты — любовь моей мечты.

Ты, как свет в моем окошке.

Если ты пойдешь плясать,

стану звуками гармошки,

буду слух твой услаждать.

Навсегда твое признание,

дорогой, запомню я,

буду жить твоим дыханьем

и смотреть лишь на тебя.

Мы пройдем одной тропой

непрерывно лет до ста.

Буду, даже став слепой,

видеть я твои уста.

А на жизненной дороге

мало ль что взбредет судьбе,

если мне откажут ноги,

приползу ползком к тебе.

Ночь.

Баксанское ущелье.

Спит аул. Уже над ним

небеса заголубели.

Но не спится лишь двоим.

Шепот первого свиданья,
и признанья, и мечты,
первые воспоминанья:
— Помнишь, в школе...
— Помнишь, ты...

Нет, они уже не дети,
но о детстве говорят...
...А Зуфара на рассвете
взял на пастбище Ахмат.
Задержаться б,
да куда там,
все дела тому виной.
Конь гнедой был под Ахматом,
под Зуфаром — вороной.

Был Ахмат животноводом.
Не беда, что очень юн
зоотехник,
с каждым годом
разрастается табун.

Нужен глаз специалиста,
и Ахмат Зуфару рад.
Вдруг вдали из тучи мгlistой
гром ударил, хлынул град.

Вскоре молния во мраке
осветила все. Под ней
шла лавина —
как в атаке —
обезумевших коней!

А внизу, в потоке горном
все бурлило.

Сметены
были вниз деревья с корнем
и большие валуны.

Молния сверкнула снова,
но Зуфар с коня не слез,
он направил вороного
табуну наперерез.

Глаз был точен,
ум сметливый,
и крепка его рука.
Ухватился он за гриву
взмыленного жоака.

Конь взбесился под Зуфаром,
на дыбы взметнулся конь,
обдавал горячим паром,
высекал ногой огонь.

Сбросить конь его пытался.
Зоотехник, хоть и юн, —
жеребец повиновался,
а за ним и весь табун.

Под гремящей черной тучей
кони сдерживали бег.
Так от смерти неминучей
спас их смелый человек.

Весь табун уже в загоне,
а табунщик и Ахмат
тянут жесткие ладони,
храбреца благодарят.

Похвалу животновода
скромно выслушал герой:
мол, герои из народа
за народ стоят горой.

Горец смел,
рискует жизнью
он еще и потому,
чтоб помочь своей отчизне
и народу своему.

И хвалить его не надо,
он и так свершенным рад,
тем, что снова после града
кони мокрые стоят.

Тем, что бурные потоки,
истощив себя чуть-чуть,
стали вновь не так жестоки
и нашли свой прежний путь.

Тем, что снова жеребята,
перемешивая грязь,
вдруг попрыгали куда-то,
по-мальчишески резвясь.

Тем, что луч пробился косо,
горный ветер, шаловлив,
вновь расчесывает косы
у промытых ливнем ив.

Тем, что вся природа рада,
тем, что вновь в сияньи дня

чабанам промокшим надо
обсушиться у огня.

Тем, что вновь чабан отару
выгоняет на луга.
Это — жизнь.
Она Зуфару
несказанно дорога.

В кош пошли Зуфар с Ахматом.
Не соломой крытый кош,
а покрытый сплошь закатом
был крестьянский дом хорош.

Запах свежего барана
опьянял гостей сильнее
чаши доброго айрана
с белой пеною над ней.

Ходят пенистые чары,
тосты мудрые звучат...
И о подвиге Зуфара
рассказал друзьям Ахмат.

Расставаться рановато,
только мальчик заглянул
и промолвил, что Ахмата
и Зуфара ждет аул.

Был в ауле праздник снова,
собрались и млад и стар.
Торопил Ахмат гнедого,
вороного гнал Зуфар.

Военком прислал повестку,
прибыл нарочный верхом.
Пригласил Хасан невестку,
чтоб простилась с женихом.

Без особенных дебатов
завершили разговор:
в дом ее послали сватов,
как велит обычай гор.

Может, надо подождать бы,
но уже составлен план
и соседями для свадьбы
жирный жарится баран.

Тащат хлеба из пекарни,
и айран уже стоит,
пляшут девушки и парни,
у гостей нарядный вид.

У гостей одежды яркие.
Старцы курят, вьется дым.
Как положено, подарки
преподносят молодым.

Сколько радости,
веселья
у друзей и у родни!
Завертелись каруселью
ночи быстрые и дни.

«Постреляем!» — крикнул кто-то.
Крики,
песни,

шум,
галдеж...
Тут же в горы на охоту
отрядили молодежь.

Поднимались,
дай бог ноги,
каждый отдыха искал.
И тогда, устав с дороги,
отдохнули среди скал.

Подкрепив себя едою,
наш герой к скале приник,
и холодной водою
напоил его родник.

Разделились все попарно,
кто в охоте знает толк.
Вдруг глядит Зуфар:
коварно
за рекой крадется волк.

Там коза пасла козленка,
прыгал он, как белый мяч,
птицы пели звонко-звонко,
и бесшумно полз палач.

Все животные на свете
берегут детей своих,
будто знают, что их дети
продолженье их самих.

Волк охотится за дичью;
и, попавшись на глаза,

могут стать его добычей
и козленок и коза.

Но Зуфар легко и смело
рубает его сплеча:
взглядом в прорези прицела
ловит морду палача.

Выстрел грянет через речку...
Но курок тихонько — щелк,
и ружье дает осечку,
а козу хватает волк.

Глаз был точен у Зуфара.
Вновь он выстрелил едва,
волк упал, как от удара.
Но коза уже мертва.

Прибежали вскоре люди.
Век такое не забыть,
как козу козленок будит,
да не может разбудить.

Носом тычется в сосочек,
хочет есть, наверняка.
Мать молчит. Ее сыночек
не дождетса молока.

Так окончилась охота.
— Волк, — сказал Зуфар, — злодей.
- Но вот так же где-то кто-то
убивает и людей.

И поклялся он:
— Отныне
не охотник я, друзья,
и к природе, как к святыне,
относиться буду я.

Помолчал потом немного,
взял козленка, приласкал.
И обратная дорога
повела их между скал.

Всё его терзали муки:
оплошал он на посту!
Но зато в какие руки
передал он сироту!

Свет блеснул во взгляде хмурым,
лишь услышал:
— Милый мой,
ты его увидишь туром,
возвратясь к себе домой.

А на завтра — боль разлуки,
взглядов, слов сердечных жар,
слезы, трепетные руки...
Отбыл в армию Зуфар.

Как ручьи втекают в реку
(есть у каждого тропа),
так порой по человеку
собирается толпа.

Кабардинские ребята
и балкарские ребята
встретились,
как с другом друг.
Значит, у военкомата
будут танцы. Шире круг!

Жаль, что девушек тут мало.
Гармонистка, как на грех,
заиграла для начала
парный танец
абизех.

Станцевал Zufar немножко,
лишь стряхнул усталость с плеч,
и рассыпала гармошка
дробь, а может, и картечь.

Ритм такой пришел на смену,
поспевать за ним сумей.
В круг выводит Сулемена
танец горцев —
исламей.

И мотор в груди имея,
что там слабые сердца,
не осилишь исламея,
не станцуешь до конца.

Сулемен на середине,
расступился шире круг,
как юла, пошел в лезгинке,
закружился старый друг.

Гармонистке трудновато,
да джигит, видать, хорош,
пляшет у военкомата
под гармонь и стук ладош.

Ловкий парень из аула
ей давно уже знаком,
и не зря она всплакнула,
только вышел военком.

— Ой, себя побереги ты...
Не успел ответить он,
как его уже джигиты
увлекли с собой в вагон.

Я был там же,
с ними рядом,
из-за стриженных голов
видел: он ответил взглядом,
о любви сказал без слов.

Вот и свет зажгли в вагонах,
потускнел пожар зари,
и стоят на горных склонах
тополя, как газыри.

Смолкли шутки, разговоры,
У Зуфара грустный вид.
— До свиданья, мои горы, —
он неслышно говорит.

Сын Кавказа, сердцу внемля,
стал к земле еще добрей.

Как мы любим нашу землю?
Как отцов и матерей.

Мать-земля —
и хлебный колос,
и солдат погибших кровь,
материнский нежный голос,
и надежда, и любовь.

Любим мы ее, как дети —
и взрастивший нас аул,
и с Эльбруса свежий ветер,
что в пути в окно подул.

Говорят, что в миг смертельный
вспоминается порой
голос песни колыбельной,
ясный месяц над горой.

И покуда жив я буду
вещей волею судеб,
никогда я не забуду
материнский кров и хлеб.

Ел я хлеб чудесный самый,
описать не хватит слов,
только выпеченный мамой
хлеб прекрасней всех хлебов.

Не забыть деревьев тени,
луг, обрызганный росой,
где по буйному цветенью
пробежал хоть раз босой.

Из открытого вагона
открывается пейзаж,
перегон за перегоном —
мирный край прекрасный наш.

Мир не дважды два — четыре,
а значительно хитрей.
Где-то кровь и горе в мире,
боль и слезы матерей.

Да, сложна его природа:
где-то дождь не превозмочь,
где-то ясная погода,
где-то день, а где-то ночь.

Разгадай его секреты,
оглядись со всех сторон,
в беспокойном мире этом
горе, счастье, явь и сон.

Это все давно не внове,
разграничен мир межой:
кто-то алчет чьей-то крови,
крова и земли чужой.

А другие, —
с каждым годом
их все больше под луной, —
заявляют:
«Мир народам!»
И ведут войну с войной.

Люди думают о хлебе,
к свету путь найдут во мгле.

Как не тесно звездам в небе,
так и людям — на земле.

Вот пейзаж открылся новый,
гор обочь дороги нет,
лишь Эльбрус седоголовый
эшелону смотрит вслед.

Шли вагоны вереницей.
Быстро мчится эшелон.
За окном видны станицы.
Значит, скоро тихий Дон.

Сулемен в привычной роли:
там, где он, обычно смех.
Как еще когда-то в школе,
он смешит буквально всех.

Только слово скажет кто-то,
он съязвит исподтишка,
сыплет шутки и остроты,
как картошку из мешка.

— Да, любовь-то не картошка, —
Хамыса ему съязвил. —
Полюбил ты, друг, гармошку?
— Гармонистку полюбил!

— Понял это с полувзгляда
я на станции вчера.
Угождать мне, парень, надо:
ведь она моя сестра!

Сулемен притворно хмурен:
— Ну и девица-краса!
Звать тебя отныне — шурин.
Ты позволишь, Хамыса?

— Лишь за малым дело стало, —
Хамыса сострил опять, —
пол-аула бы мечтало
меня шурином назвать.

Сулемен в ответ заметил:
— Это, право, не беда.
Значит, я с вопросом этим
обращусь к сестре тогда.

— Любят девушки свободу, —
Хамыса сказал в ответ. —
Будет ждать она три года?
— Будет ждать и десять лет!

Сулемен добавил:
— Будет,
если тоже влюблена.
Всех джигитов позабудет,
будет ждать меня она.

Вновь в вагоне песни, танцы.
Расстоянья велики.
Веселятся новобранцы,
раскрывают рюкзаки.

Веселят в пути друг друга.
Молодой, лихой народ.

Поезд быстро мчится с юга,
в Белоруссию идет.

Не прошло еще недели,
как от Нальчика вдали
форму новую надели,
в жизнь армейскую вошли.

Луна и прежде землю освещала,
но не светила горцам, как сейчас.
И солнце согревало нас немало,
но все ж теперь сильнее греет нас.

Лишь горы не меняются веками,
стоят, как раньше, на своих местах.
Но люди изменяются...
А с нами
меняется и жизнь в родных домах.

Когда-то у крестьян голодных, нищих,
чтоб дети, как рассказывали мне,
забылись в долгом ожиданье пищи,
мать кипятила камни в чугуне.

День нынешний сравните со вчерашним,
невольно вы почувствовать должны,
как веет чем-то очень-очень страшным
от той, совсем недавней, старины.

Душа по капле впитывала горе,
как реки воду речек по пути,

но даже и большой реке до моря
бывает не всегда легко дойти.

Вот так же было нелегко народу
пройти сквозь грозы,
сквозь века борьбы,
пока Октябрь нам не принес свободу,
Народ — хозяин собственной судьбы.

...Шесть сыновей в семье Хасана было,
все видели, как мальчики растут,
бесплатно школа шестерых учила,
и техникум, и даже институт.

При маме все держались дома кучкой,
все по хозяйству помогали ей,
и белоручкой или недоучкой
не стал никто из шестерых парней.

Теперь кто приезжает к ним на лето,
кто трудится в ауле круглый год,
кто в армию пошел...
За счастье это
Хасан благодарит родной народ.

Глава семьи,
Хасан в почетной роли.
Все взрослые здесь заняты трудом.
А Жаухар учительствует в школе;
она пошла невесткой в этот дом.

А время мчится речкой быстрой самой,
но не быстрее срочных телеграмм.

Зуфару в Брест прислали телеграмму:
«...сын вес три килограмма
триста грамм...»

Ну вот, его звезда взошла над миром:
есть сын, есть счастье, молодость,
талант.

Зуфар окончил курсы командиров,
он принял взвод,
он младший лейтенант.

Он окрылен.
Он служит в древнем Бресте.
И весточку домой отправил он,
что взвод его в полку
на первом месте,
он отпуском за это награжден.

И Сулемен готовится в дорогу,
он тоже телеграмму дал домой.
Прибавилось хлопот в ауле много,
уже котлы запенились бузой.

Две матери волнуются недаром,
достав платки поярче, поновей.
Уже отцы, Хасан с Махаем старым,
решили, как им встретить сыновей.

Земля в цвету в ауле и повыше,
альпийские луга на скатах гор.
Домашний тур весь день стоит
на крыше,
с гор не спускает он тоскливый взор.

Хасан с Махаем, старшие мужчины,
сидят в тени, достоинство храня,
а Жаухар к окну на шум машины
раз десять подбежит в течение дня.

И вот однажды вечером
У двери,
которую высвечивал закат,
увидела она,
глазам не веря:
ее сынка взял на руки солдат.

Увидела Зуфара с Сулеменом.
Сыночек на руках был у отца.
И в радости, в порыве откровенном
послала с вестью мальчика-гонца.

Для радости причины были вески,
любой из аульчан был встрече рад,
но раньше прочих
в праздничной черкеске
к ним прибежал седой старик Ахмат.

Джигитов окружили аульчане,
с вопросами, с расспросами спешат,
уже несут бузу в огромном чане,
баранов режут, тащат индюшат.

Ахмат сидит торжественно и чинно,
глядит на всех из-под бровей седых.
С ним старики и взрослые мужчины,
а дальше посадили молодых.

Сегодня праздник в доме у Хасана.
Махай на завтра приготовил стол,
освежевал не одного барана...
Как и Хасан, он щедрый хлебосол.

Ахмат ведет застольную беседу,
руководит столом как тамада,
чтоб во-время налил сосед соседу,
чтоб не иссякла вкусная еда.

Ночь заливает горы черной тушью,
и горы приготовились ко сну,
а тут в ауле слушают пастушью
лирическую, нежную зурну.

А гармонистка смотрит благосклонно,
одаривает музыкою всех,
и зазвучал посредник всех влюбленных
веселый парный танец абизех.

Глядят, как на танцоров знаменитых,
на тех, кто вырос в их родном краю,
и видят старики себя в джигитах,
в их молодости — молодость свою.

Спокойных, тихих
и взрывных, как порох, —
всех этот танец смог объединить,
как бусинки цветные, у которых
одна на всех связующая нить.

Танцующие проплывают мимо.
Парад фигур красивых,

стройных ног...

А раньше парень говорить с любимой
в одном лишь этом парном танце мог.

Тем он и дорог,
танец наш хороший,
союзник всех влюбленных,
добрый друг.

Джигиты дружно хлопают в ладоши,
подбадривают тех, кто вышел в круг.

Тут заиграли кафу — танец плавный.
Кто выйдет в круг в одной

из первых пар?

И тамада, в застолье самый главный,
согласье дал, чтоб станцевал Зуфар.

Спросили разрешение у Ахмата,
учтя деталь важнейшую одну,
что если тесть позволит,
лишь тогда-то
зять может пригласить свою жену.

Текут, текут божественные звуки,
и Жаухар в них плавно поплыла,
Зуфар расправил плечи, вскинул руки.
Как он похож на горного орла!

О кафа!

Такова твоя природа.

Танцует кафу младший лейтенант,
а в танце видно мужество народа,
душа народа и его талант.

Воистину волшебное искусство!
Глаза и стан, движенья рук и ног —
в них сдержанность лирического
чувства,
гимн женственности,
мужеству венки.

И радостно и больно без причины,
ведет зурна с гармошкой разговор —
честь женщины,
достоинство мужчины,
изящество и гордость наших гор.

Недаром так обожествляем все мы
тебя, как край родной,
как отчий дом,
ты, кафа — песнь народа,
ты — поэма,
апофеоз всему, чем мы живем.

Мелодия другая шла на смену,
все гости сразу поняли тогда,
что, значит, вызывают Сулемена
и быстрый исламей
и тамада.

И Сулемен,
как требовал обычай,
взмахнул руками —
крыльями орла,
а из притихшей группы из девичьей
ему навстречу поплыла Лейла.

Смущенный вид и шаг ее несмелый
влекли его.

он приближался к ней.
Казалось, уплывает лебедь белый
от топота гарцующих коней.

Был соткан исламей из нежных песен,
он из народной музыки возник,
поэтому, наверно, так чудесен
его напев и сказочный язык.

То исламей подобен водопаду,
то он пьянит, как легкое вино.
Джигиту нет с самим собою сладу,
он закружился, как веретено.

О, исламей!
Как силы не иссякли:
и с праздником ты дружен и с трудом,
живешь давно в любой балкарской
сакле,
как новосел ты входишь в новый дом.

О, исламей!
Поныне и от века
тобою горы заморожены.
Звучишь ты в день рожденья человека,
играешь в честь вернувшихся с войны.

О, исламей!
Ты там звучал, бывало,
где кто-то, хоть тонул — не утонул,
и там, где после горного обвала
остался чудом невредим аул.

О, исламей!

Будь всюду вместе с нами.

Всегда ты там, где счастье,

где успех.

Ты — наше солнце. Ты, как наше

знамя,

которое у нас одно на всех.

Друг друга любим мы с тобой взаимно.

Как миру и свободе,

ты поверь,

перед тобой всегда гостеприимно

Балкария распахивает дверь.

...Тем временем светало.

Утром рано

все расходились чуточку поспать

и отдохнуть от торжества Хасана,

чтоб у Махая праздновать опять.

Все у Махая повторится снова.

Его семья традициям верна:

буза, закуски и гармонь готова,

и не забыты бубны и зурна.

Под вечер прибыл Хамыса с друзьями
на резвых скакунах из Кабарды.

«Салям алейкум! —

наши братья с нами».

«Рог в вашу честь!»

«За вас! — алаверды».

Соседи вместе в праздники и в горе.

Все слушают Ахмата, тамаду.

Когда она берет гармошку в руки,
поёт гармонь, как звонкий соловей.

Кто скажет то, что девушка плохая,
тот самого аллаха прогневит.
Вот почему у старого Махая
весь вечер был такой счастливый вид.

Невестку где еще такую взять бы,
второй такой нигде б найти не смог.
Пожалуй, что недалеко до свадьбы.
С ней не о свадьбе ль говорит сынок?

Одна заря спешит другой на смену
и новый день приносит людям в дар.
Махай желает сыну Сулемену,
чтоб был в любви он счастлив,
как Зуфар.

А Жаухар глядит в глаза Зуфара.
Ее лицо, как бледная луна.
Лейла — Меджнун... Но даже эта пара
в конце-концов была разлучена.

Взметнулись тени,
черные ресницы.
И новый день приходит на порог.
А время мчится.
Ой, как время мчится!
И отпускной уже проходит срок.

Баксан-река бежит, течет, как время.
Уже пожитки сложены в баул.

Сейчас джигиты вставят ногу в стремя.
Их провожает весь Большой аул.

В горах бушует разноцветье маков.
К Зуфару мать выходит из дверей.
Она в слезах. Обычай одинаков
у всех скорбящих наших матерей.

Запомнятся Зуфару аульчане,
спешащие с рассветом на поля,
жена и мать, стоящие в печали,
цветным ковром покрытая земля.

И журавли, тянувшиеся клином,
вернувшиеся с юга на простор,
чтоб вновь прославить кликом
журавлиным
величие навек родимых гор.

И сосны, задевавшие за тучи,
и ледником рожденная река,
и туры, что глядели из-под кручи
не просто вниз, а гордо, свысока.

В такой вот день,
в такое время года,
когда цвело и пело все вокруг,
казалось даже, что сама природа
ждет — не дождется человеческих рук.

Но где-то зрела этому угроза
и где-то кто-то видел, как в бреду,

Как ласково, как нежно и счастливо
он гладил бы их трепетной рукой.

А так, казалось бы, чего бы ради
он простоял бы во дворе вчера,
как в детстве, на родные горы глядя
или на звезды глядя до утра.

Всю ночь дышал бы горною прохладой,
когда бы только знал наверняка,
что больше никогда своей усладой
его не напоит Баксан-река.

Он вспомнил бы,
подумал бы о многом,
когда б была бы истина ясна,
что навсегда остались за порогом
отец и мать, сыночек и жена.

Тогда мне быть бы старше
лет на десять,
чтобы Зуфара заменить в пути
иль для петли,
чтоб Гитлера повесить,
веревку из своих волос сплести.

Но вдаль бежит,
увозит вдаль дорога
двоих джигитов от родимых мест.
Прошли Кубань и Дон,
еще немного
и будет Днепр,
потом, на Буге, Брест.

И накануне самой страшной даты,
которую запомнит вся страна,
их встретят в Брестской крепости
солдаты,
а через день их встретит там война.

Они приедут в Брест уже под вечер,
гостинцы привезут с балкарских гор.
Солдаты будут рады этой встрече,
и дружеский возникнет разговор.

Они еще не знали, что направил
оружие им в грудь фашистский «блиц»,
что Гитлер в нарушение всяких правил
уже войска поставил вдоль границ.

Дежурный взвод не дремлет в карауле,
а пули начинают свой полет
и в матерей, что мирно спят в ауле,
и в спящий взвод, и в караульный
взвод.

А с западного берега,
с опушки
лавиной танки двинулись на Буг
и загремели пушки,
пушки,
пушки,
как грозы,
пробудившиеся вдруг.

И тучей налетели самолеты,
и ухнул первый бомбовый удар,

и, падая на землю, вскрикнул кто-то,
и начинался в городе пожар.

А где-то все летела телеграмма,
в которой отслуживший срок солдат
писал, чтобы ждала сыночка мама.
Мать будет ждать.
Сын не придет назад.

Кого-то будет ждать еще невеста,
хотя, прочтя письмо, поймет она,
что не успел он выехать из Бреста
и встреча с милым ей не суждена.

А сколько молодых,
кому-то близких,
сменивших тех, кто отслужил
свой срок,
оставят имена на обелисках
и безымянно лягут вдоль дорог.

Да, правда обнаженная, нагая,
как всякая трагедия, страшна.
По трупам человеческим шагая,
шла на Восток кровавая война.

Все вдруг переменилось в миг единый.
Враг был коварен, злобен и жесток,
все на пути сметая,
шли лавиной
машины, пушки, танки —
на Восток.

А за день до того, по крайней мере,
не знали мы, что волею судеб
придется, невзирая на потери,
собственноручно собственный жесть
хлеб.

Всё — жизнь и смерть — положено на
чашу.
Безжалостней с безжалостным врагом!
Не будет враг топтать пшеницу нашу,
земля горит под вражьим сапогом.

Враг прет и прет все дальше
от границы.
Глядит в ночи кровавая луна
на море полыхающей пшеницы,
на горе, что несет с собой война.

Как страшный сон, как дикую
нелепость
навек это память сохранит.
Но Брест стоит.
Несокрушима крепость.
Сердца ее защитников — гранит.

За штурмом — штурм,
но крепость взять не просто.
Нет, всё страшней,
чем самый страшный сон.
Не крепость,
а в горящем море остров.
Войдет в легенду славный гарнизон.

Война прошла стремительным галопом,
рассеивая тысячи смертей,
фашисты захватили пол-Европы,
но не было подобных крепостей.

Как волны разбиваются о скалы,
атаки разбивались.
Осмелев,
так лезут обнаглевшие шакалы,
почуяв, что смертельно ранен лев.

Шакалы на победу зря надеются.
Лев ранен, но он мужество обрёл.
Сражались, словно львы,
красноармейцы,
и среди них Зуфар был, как орёл.

Как коршуны,
напали «мессершмитты»,
покоя ни минуты не дают.
Уже во взводе многие убиты,
но взвод Зуфара держит свой редут.

Война пришла внезапно.
На рассвете детей грузили срочно
в эшелон,
но не успели женщины и дети
покинуть окруженных гарнизон.

И дети были спрятаны в подвале,
а женщины, вернувшись в часть свою,
бойцам боеприпасы подавали,
вытаскивали раненых в бою.

Осколки землю вспарывали остро,
бой продолжался ночью, как и днем,
а жены командиров и медсестры
уже вторые сутки под огнем.

Уже Зуфар залег у пулемета,
отбросив раскаленный автомат.
Упав с ним по соседству,
вскрикнул кто-то,
взглянул Зуфар:
убит его солдат.

Уже осталась половина взвода,
а враг все лезет, враг нахально прет.
Но где Зуфар, там нет врагу прохода,
хотя уже вскипает пулемет.

Детей в подвалах дым снарядный
душит,
солдаты глубже спрятали ребят,
но бомбами фашисты крепость рушат,
тяжелыми снарядами долбят.

Огнем артиллерийской подготовки
все в крепости как будто сметено,
молчат и пулеметы и винтовки,
нет вроде ничего живого. Но,
как только начинается атака,
врагов встречает крепость
градом пуль.

Фашисты на Восток спешат,
однако,
уже прошел июнь, идет июль.

Всё топчатыся они на пепелище,
застрял надолго вражеский «блицкриг».
Нет в крепости уже воды и пици,
страдають дети,
слышен детский крик.

Уже больных немало в гарнизоне,
И не один уже погиб боец,
пытаясь ночью на нейтральной зоне
достать воды из речки Мухавец.

А дети, дети в чем же виноваты!
Воды!
Воды! — открыли рты птенцы.
Безжалостны фашистские солдаты,
не могут за водой пройти бойцы.

И командир решал задачу снова:
кого послать на верную беду?
Пришел к бойцам.
Зуфар всего два слова,
поднявшись, тихо молвил:
— Я пойду!

Пополз к реке он с баком.
В этом баке
воды, пожалуй, хватит на полдня.
Поставили фашистские собаки
заслон из минометного огня.

Он полз к реке под огневым заслоном,
дорогою, намеченною днем.
Склон берега недавно был зеленым,
теперь все было выжжено на нем.

Ползет он,
губы высохли от жажды,
болит нога, плечо горит от ран.
И вспомнил, как в родных горах
однажды
в ущелье Адыр-Су он пил нарзан.

И видятся ему родные горы,
и кажется, рассудку вопреки,
что слышит шум Адыр-реки
и скоро
дыхнет прохладой от Адыр-реки,
что встанет на заснеженной вершине,
где первый зарождается родник,
и что войны нет даже и в помине,
что перед ним Большой аул возник.

А снег блестит, хотя в разгаре лето,
он отраженье солнца видит в нем.
Не солнце, это белая ракета
все залила мерцающим огнем.

Но он дополз.
Ползет назад.
Однако,
за что его судьба карает так,
двумя струями бьет вода из бака,
навылет пуля прострелила бак.

Все вытекло на землю, как из лейки,
и оросило огненный посев.
Зуфар подумал о судьбе-злодейке,
в обрушенном окопчике присев.

Он сам карал и сам же был в ответе:
как не предотвратил такой беды!
Ну, неужели женщины и дети,
и раненые будут без воды?

В окопчике, обрушенном снарядом,
недолго можно думать:
шел июль,
ночь коротка,
вода в речушке рядом,
но дождь идет,
дождь смертоносных пуль.

Опять как будто перед ним вершина,
и он ползет, взбирается туда,
и душу надрывает голос сына:
— Воды!..
А впереди блестит вода.

И хочется опять ему напиться,
и снова на крутом краю беды
он слышит стоны раненых:
— Сестрица!..
— Что, милые?
— Воды...
— Воды...
— Воды...

Когда с водой пустился
в путь обратный,
он сам еще не понимал того,
что никакой, пожалуй, подвиг ратный
не мог сравниться с подвигом его.

От жажды умирающие дети,
и каждый шаг под пулями врагов!
Как за сто лет,
на том и этом свете
ему зачтутся эти сто шагов.

Враги его увидели убитым
и прекратили яростный обстрел.
Он притворился,
вжался в черный битум,
передохнул, дорогу рассмотрел.

И снова растворился,
слился с мраком,
когда узрел, что дальше путь открыт.
И вновь пополз, гремя огромным
баком,
который тархтел, как сто корыт.

Под сломанной березкой молодой
увидел он
(не разглядеть лица)
ушедшего, наверно, за водою,
как он ушел,
сраженного бойца.

Не двигался он,
не стонал от боли,
что не убит, не показал никак.
Почувствовав живую душу, что ли,
Зуфар подполз к нему,
таща свой бак.

Нет, не убит, а ранен был бедняга,
его дружок, балкарец Сулемен.
Зуфар прошел с ним шаг,
еще два шага —
и рухнули туда остатки стен,
где друг лежал под молодой березкой,
туда, где никого, по счастью, нет.
А на востоке узенькой полоской,
как кровь, струился огненный рассвет.

— Мне все равно уже не жить на
свете, —
друг прошептал, —
зачем несешь туда?
Оставь меня.
Там ждут больные дети...
Вода...им так давно нужна вода.

— Фашистов в гроб мы вгоним
неприменно, —
сказал Зуфар, — и думать ты не смей
о смерти.
Я на свадьбе Сулемена
еще с тобой станцюю исламей.

Осталось им пройти еще два шага,
еще шажок,
еще всего чуть-чуть.
Смерть победили доблесть и отвага,
хоть и длиной в два дня казался путь.

И взрослые и дети были рады
пришедшим из такого далека.

Зуфара не оставил без награды
немногословный командир полка.

Награда — благодарность перед строем.

Сказал он:

— Крепость выдержит удар,
когда в ней каждый сможет стать
героем,
таким, каким сегодня стал Зуфар!

Фашисты шли с успехом переменным:
то наших потеснят, то наши их.

Но не всегда и каменные стены
могли спасти защитников своих.

Рвались фашисты яро к Подмосковью,
но многих путь был в Бресте завершен.
Здесь каждый камень полит
вражьей кровью
и каждый — нашей кровью орошен.

Не крепость, а почти одни останки,
но дух не сломлен,
дух еще живой.

Подбитые здесь вражеские танки
не будут бить по нашим под Москвой.

Бессмертный гарнизон стоит бессменно,
Защитники из-под развалин стен
стреляют стоя, лежа и с колена,
перед врагом не преклонив колен.

Хоть нет высокой точки для обзора,
прекрасно видно, что замыслил враг,

И солнца свет казался тут нелепым,
когда от пепла город стал седым,
и крепость всю, как будто черным
крепом,
как трауром обвил косматый дым.

Защитников, сражавшихся так яро,
полуживых
фашисты взяли в плен.
«С Кавказа мы!» —
как след руки Зуфара
осталось на одной из брестских стен.

На каменных и на бетонных плитах,
на гулких сводах
крепких, как гранит,
история фамилии убитых
и раненых героев сохранит.

Печальным строем молча шли герои,
их по мосту погнали в плен,
И вдруг
наш командир полка шагнул из строя,
фашиста сбил
и сам с ним прыгнул в Буг.

Забегали фашистские солдаты,
и по реке, скрывавшейся в дыму,
немецкие стреляли автоматы,
из двух пловцов попав по своему.

А в крепости
в одной из контратак

Зуфар был снова ранен.
Под ракитой
лежал он долго неподвижно так,
что думали враги:
лежит убитый.

Одна мать-родина у нас,
как мать у нас одна.
Наступит испытанья час,
и призовет страна,
мы, дети родины своей,
герой и не герой,
сто миллионов сыновей
встаем за мать горой.

Трудился сын, растил хлеба,
мужал из года в год,
но протрубила сбор труба,
он двинулся в поход.

Он никому не сделал зла,
рос стройным, как лоза.
Его из дома увела
военная гроза.

Пожалуй, что в горах тогда
нельзя было найти
семьи, которую беда
смогла бы обойти.

Враг был жесток, неумолим,
но факты говорят,
как в небе бил врага Алим,
Покрышкина собрат.

Орлиный дух в боях обрел.
Вот так у нас в горах,
грома стервятников,
орел
врага вгоняет в страх.

Мой горный маленький народ!
Узнал я не из книг,
свидетель солнечный восход,
как духом ты велик.

Солтан-Хамид на правый бой
балкарцев вдохновил,
который Кирова собой
от пули заслонил.

Не понимаю я порой,
замечу между строк,
как трус, подлец,
а не герой,
в горах родиться мог?

Предатель, трус,
как мелкий гнус
на теле у страны.
Зато насквозь подлец и трус
в тяжелый день видны.

Но не о них, по счастью, речь, —
о тех, кто честен, смел,
о тех, кто родину сберечь
в огне войны сумел.

О людях, свято чтивших честь, —
обычай тут не нов, —
таких в Балкарии не счесть
и дочек и сынов.

Хасан растил сынов своих
для мирного труда,
но проводил всех шестерых
в огонь войны, туда,
где ярость, где святая месть
вскипала, как волна,
где шла война за жизнь,
за честь,
народная война.

Об этом пел и фронт и тыл,
Эльбрус, река Баксан...
Ушли сыны, и след простыл,
грустит старик Хасан.

Душа болит, душа горит,
ум с чувством не в ладу.
Наверно, сердце говорит,
предчувствует беду.

Не хватит слез в Баксан-реке,
печальней нету слов:
погибли где-то вдалеке
все шесть его орлов.

Упали за звездой звезда —
шесть звезд —
за горизонт.
— Беда!
— Беда!
— Беда!
— Беда!.. —
прислал известье фронт.

Недобрые он видел сны.
Но как поверить в то,
что не придут домой сыны,
из шестерых — никто?

Не верит этому и мать.
Померк весь белый свет.
Не хочет сердце понимать,
что всех их больше нет.

Без всяких видимых причин
выходит на крыльцо.
Избороздила сеть морщин
печальное лицо.

О мать!
Ну что ты смотришь в даль,
с каких таких дорог
сыны, избыв твою печаль,
придут на свой порог?

Погиб и первый, и второй,
и третий — как солдат.
Погибнув, ни один герой
не приходил назад.

За жажду ту, что на войне
пришлось им испытать,
айран в родимой стороне
им не предложит мать.
Возможно ль повидаться с ней
им, умершим от ран?
Им дома не сойти с коней,
не пить ее айран.

Судьба мужская такова,
не знаем мы подчас,
кому последние слова
сказал?
И как угас?

Упала ль чья-нибудь слеза
ему на хладный лоб?
И кто закрыл ему глаза?
Кто на плечах нес гроб?

Мать ждет, и в этом что-то есть,
смягчившее удар,
а тут еще приходит весть,
что не убит Зуфар.

Вот на запрос пришел ответ,
что без вести пропал.
Хоть неизвестно,
жив иль нет,
а камень с плеч упал.

И Жаухар стоит,
на стол

бумажку положив :
Ой, хоть бы он домой пришел!
Ой, хоть бы он был жив!

Горянки так умеют ждать,
что заморожены
все те, кого жена и мать
бессонно ждут с войны.

Мы им поэтому не зря
спасибо говорим
и, откровенно говоря,
мы их боготворим.

Горянка мужа и детей
боготворит вдвойне.
Чем видеть смерть их,
легче ей
самой сгореть в огне.

Когда бы Жаухар смогла
собрать все слезы,
вдруг
такая б речка потекла,
что все б снесла вокруг.

Исполнишь то, о чем она
молила в те года,
и слово мерзкое «война»
исчезло б навсегда.

Где злые ветры среди скал
гудят наперебой,

забвенья дух ее искал
наедине с собой.

И там, где горные орлы
взмывали в вышину,
она впервые со скалы
увидела войну.

Где черным дымом и огнем
закрыло горизонт,
вдруг четко взрывами на нем
был обозначен фронт.

Но, может быть, ошибся глаз?
Нет, стали ей слышны
шаги пришедшей на Кавказ
безжалостной войны.

Навек запомнит Жаухар
обвал, что вдруг возник,
и первый бомбовый удар
и чей-то смертный крик.

Решила, видно, немчура,
что пьедесталом стать
им может каждая гора,
их «подвигам» под стать.

Но не по росту пьедестал!
Он сбросит их долой.
Здесь каждый камень пулей стал,
петля дорог — петель.

Лишь до позорного конца, —
иных дорог им нет.
Здесь вдохновляет сын отца,
а внука — старый дед.

Там, где лирически зурна
звучала поутру,
идет народная война,
народ бьет немчуру.

Кто в горы приведет войну,
тот будет с гор сметен,
он у Кавказских гор в плену,
кавказский пленник он.

А горца не захватишь в плен,
здесь горца колыбель.
Не преклонит в бою колен,
а бьет с колена в цель.

В горах умолкли родники,
когда пришла беда,
не выпьешь воду из реки:
кровавая вода.

И враг уже не так был смел,
успехам был не рад,
когда победой прогремел
на Волге Сталинград.

Ведь враг забрел в такую даль,
откуда нет пути,
откуда сможет он едва ль
и ноги унести.

В горах нам легче бить врага.
Недаром говорят,
что дым родного очага
союзник наш и брат.

Но люди разные и тут
встречаются подчас,
иные лгут, а те крадут,
те презирают нас.

Как в виде пены сор и грязь
всплывают на воде,
всплывает вся людская мразь
на горе и беде.

Тому примеров много есть
и среди живущих тут.
Одни отстаивают честь,
другие продают.

Так было испокон веков.
Кто честен, тот боец;
а тот — овца среди волков
и волк среди овец.

В ауле был такой один,
не телом, духом слаб.
Среди рабов он господин,
среди господ он раб.

Война катилась, словно вал
из тысячи смертей,
а он в ауле лютовал
среди женщин и детей.

Разгромлен у Баксан-реки
был вражеский патруль.
Бежали горные стрелки
от партизанских пуль.

Чтоб спал спокойно по ночам
горнострелковый полк,
как пес, служил он палачам,
а злобен был, как волк.

И в землю дедов и отцов,
где мы теперь живем,
руками этих подлецов
бросали нас живьем.

Пожитки жертв своих дея,
погрызлись меж собой.
Как носит их, таких, земля,
как терпит их разбой!

Но твердо знал народ,
что все ж
дрожит и сам бандит.
Не будет правде другом ложь,
и правда победит.

Как ни храбрись ты, полицай,
есть и у нас свинец.
Как ты винтовкой ни бряцай,
придет и твой конец.

Враги пустились на обман
и в предзакатный час

собрали старых мусульман,
чтоб совершить намаз.

Но был свидетелем аллах,
что ничего в те дни
нам кроме виселиц и плах
не привезли они.

Нет, герр немецкий комендант,
нас в рай ты не зови.
Хоть ты чистюля и педант,
но руки-то в крови.

Тут немец вспомнил о жене
и, глянув в темноту,
на Жаухар кивнул:
— Ко мне
доставьте-ка вон ту!

Душа, погрязшая в грязи,
не ведает стыда.
Хотел он крикнуть:
— Комен зи! *
А крикнул:
— Кель манга! *

Любитель сладостных утех,
не умертвлял он плоть,
надеясь, что и этот грех
простит ему господь.

* ко мне

Какие там еще грехи?
фаша: т он или нет?
Достал парижские духи,
обрызгал кабинет.

Взял лист бумаги, карандаш,
очки надел на нос.
Вполне приличный антураж:
как будто бы допрос.

Подумал немец: метод «блиц»
поможет нам хоть тут.
И произнес:
— Меня звать Фриц.
А как тебя зовут?

Сказал насчет девичьих чар
и, улучив момент,
он тут же сделал Жаухар
армейский комплимент:

Я покори́л почти весь мир,
мол, будь со мной нежна,
мол, ты цветок, ты мой кумир,
кавказская княжна.

— Я не завидую врагам,
принадлежи врагу,
но знай:
швырнуть к твоим ногам
пол-мира я могу.
Ты ничего не говоришь.
Что вижу я? Слезу?

А хочешь, я тебя в Париж
отсюда увезу?
Не вышел твой народ из тьмы,
но ты мне дорога.
Что хочешь, попроси...

— Нет, мы
не просим у врага!

— Ах, вот ты как!
Но муж твой где?
Подумала хотя б,
что немцы вешают везде
красноармейских баб.
Вон твой сородич,
ваш бандит...
Не хочешь, чтоб любя,
так он охотно подтвердит,
что сам возьмет тебя.

И полицейай, войдя на зов,
крутился, как змея:
— Да я... Да мы.. Да я готов...
К тому же их семья...

Какой-то бред понес,
а сам
все ближе к ней да к ней.
И выдал, что на фронт Хасан
послал шесть сыновей.

— Так, значит, говоришь ты, шесть?

— Шесть.

Пали, как скоты.

— Ах, ты, наймит, продавший честь,
их скоро встретишь ты!
Тебе осталось сколько дней? —
подумал бы о том...
Взбесился полицаи,
над ней
уже взмахнул хлыстом.

Но не успел хлестнуть.
Фашист
вскочил, ему грозя,
перехватил свистящий хлыст:
— Горянку бить нельзя!
Ты что-то нынче больно крут.
Кнут нужен не всегда.
Горянку ласкою берут,
горяночка горда.
Ты недопонял, недорос
на целые века.

Какой с тебя, однако, спрос,
ты отдохни пока.
Так, значит, да, горянка?
— Нет!
— Ну что же, видит бог,
что положительный ответ
тебя спасти бы мог.
Всё! Отгуляла по земле.
Ты видела, поди,
как партизан висит в петле
с табличкой на груди?
Повесим и тебе на грудь.
Такие вот дела.

Как говорят, в последний путь,
в чем мама родила.

И вспомнила горянка вдруг
про мужа и дитя,
боль, муки, смерть от вражьих рук
бесчестью предпочтя.

Умыло утро мир росой.
— Все, — бросил Фриц, — капут!

Простоволосой и босой
ее на смерть ведут.

Старик Ахмат сказал:
— Вовек
мужик так не был слаб.
Женоподобный человек:
воюет против баб!

Услышав, что сказал Ахмат,
Фриц вознегодовал,
на старца бросив гневный взгляд,
он выкрикнул:
— В подвал!

В ауле общая беда:
его родная дочь
сейчас угаснет,
как звезда,
скатившаяся в ночь.

Решила жизнь отдать за честь,
а не наоборот.

В сердцах людей рождалась месть,
негодовал народ.

О Жаухар! Врагу на страх
ты выиграла тот бой.
Легендой станешь ты в горах,
гордимся мы тобой.

Читатель! Грустных мыслей рой
огнем горит во мне.
Ты спросишь:
где же мой герой,
оставшийся в огне?

С тобою мы сейчас должны
опять вернуться в ад,
к тем самым первым дням войны,
в огонь, туда, назад,
когда, взяв крепость, шли враги
и пленных гнали в тыл.
Зуфар не слышал их шаги,
он без сознания был.

Пришел в сознание потом.
Знал, что стонать нельзя,
но он еще не знал о том,
где все его друзья.

Вот боль почувствовал в руке,
вот ногу стало жечь.

Услышал вдруг невдалеке
Зуфар чужую речь.

Достал гранату и запал
и так устал он, что едва
опять в беспамятство не впал.
Кружилась голова.

Дозор возник из темноты
во весь огромный рост,
наверно, проверял посты
и, значит, близко пост.

А где-то пьянка шла давно,
был сабантуй немал.
Все как в замедленном кино
Зуфар воспринимал.

Орали немцы с полчаса.
Неблагодарный труд:
давно охрипли голоса,
но спяну всё поют.

Вот часовые скрылись с глаз,
темнел над речкой лес.
Зуфар в стене увидел лаз,
с трудом в него пролез.

Вновь сапогами — хруп да хруп —
по гравию шаги.
Часы снимают: чей-то труп
ограбили враги.

Ну, эти делом заняты!
И в царство тишины
и непроглядной темноты
пополз он от стены.

Под утро был уже в лесу,
дополз, доковылял.
Он с листьев стряхивал росу
и жажду утолял.

Он каждый день потом встречал
таких же, как и сам,
израненных однополчан,
бродивших по лесам.

Встречал разрозненных солдат
и вел их на восток.
Прекрасно знал его отряд
о том, как враг жесток.

В отряде маленький успех
(не важно, что он мал)
надежду порождал у всех
и бодрость поднимал.

Вооружаться стал отряд:
глядишь, боец несет
винтовку или автомат,
а то и пулемет.

Проедет вражеский патруль,
потянет связь связист,
и от своих, немецких, пуль
в пыль падает фашист.

Стал очень осторожным враг,
и в партизанский лес,
где под прицелом каждый шаг,
он неохотно лез.

Затянет дымом горизонт,
вдруг смолкнет стук колес
и эшелон, что шел на фронт,
уходит под откос.

Метались немцы, говорят,
как волки в свете фар.
Народных мстителей отряд
умело вел Зуфар.

Враги зверели с каждым днем.
Он в их руках почти,
но вновь встречает их огнем
и вновь уже в пути.

Да, был Зуфар неуловим,
днем здесь, а ночью там.
Казалось, немцы шли за ним
буквально по пятам.

Но снова след его простыл.
Ушел от них герой.
Горел, гремел немецкий тыл,
не тыл, а фронт второй.

Про белорусские леса,
конечно, неспроста
рассказывали чудеса.

Шла весть из уст в уста,
о том, что был Зуфар пленен,
в плену был весь июль,
о том, что он заговорен
от виселиц и пуль.
О том, как вражеский наймит
тайком пробрался в лес
и как Зуфар был им убит,
и как опять воскрес.

Враги, не веря в колдовство,
в переселенье душ,
уже за голову его
пообещали куш.

Об этом вывесил приказ
немецкий комендант,
но ускользнул — в который раз! —
бессмертный лейтенант.

Опять находчивость спасла.
Он вновь то там, то тут.
Но вдруг разведка донесла,
что немцы жителей села
в Германию везут.

Отряд напал со всех сторон,
отрезал все пути,
когда готов был эшелон
на запад отойти.

Стихал жестокий бой. И вот,
вспоров ракетой тьму,

Зуфар скомандовал отход
отряду своему.

Свободу жителям села
сумел он отстоять,
да к немцам помощь подошла,
чтоб контратаковать.

Зуфар залег за пулемет.
Отходят все — приказ!
Но ординарец не идет:
— Я не оставлю вас!

Зуфар, явив свой строгий нрав,
сказал без громких фраз:
— Пойми, дружище,
ты не прав,
приказ — всегда приказ!

И друг его, обиду скрыв,
уже к леску бежал,
когда раздался сзади взрыв
там, где Зуфар лежал.

Потом он видел, как вдали
в тыл от передовой
его фашисты волокли.
Он, значит, был живой.

Что было дальше?
Лазарет.
Фашистские врачи.
Допрос.

Молчание в ответ.
Звереют палачи.

Но всё хранит молчанье он.
— Конец! — воскликнул зверь.
Зуфара бросили в вагон,
Закрыли плотно дверь.

Нет, мысли черные — долой.
В вагоне нас — отряд.
Могилу раскопать иглой, —
как горцы говорят.

Мы выход все-таки найдем
к свободе дорогой.
Он ковыряет пол гвоздем,
помог один, другой...

Всем миром навались,
и вот — близка, реальна цель.
Вот поезд резко сбавил ход.
В полу зияла щель.

А под вагоном мрак повис.
Туда, как в сущий ад,
один, другой и третий —
вниз
все пленники летят.

Кто уцелел, а кто исчез
навечно, без следа.
Вдали темнел суровый лес.
Направились туда.

Виднелись горы в темноте.
У горца острый глаз:
напоминали горы те
его родной Кавказ.

Дорожный знак: «Модена — Рим».
Дорога в Рим вела.
Так он узнал, что перед ним
Италия была.

Несли средь скал и горных гряд
страдающих от ран
и утром вышли на отряд
моденских партизан.

Отряд собрал в горах всех тех,
кто был фашизму враг,
в отряде были грек и чех,
француз, словак, поляк.

Зуфар
советский наш народ
в отряде представлял.
И вскоре он возглавил тот
интернационал.

За храбрость,
за веселый нрав
его любили все.
Однажды он,
отряд собрав,
повел его к шоссе.

Спуститься срочно, был приказ,
пока не рассвело.
Вчера каратели как раз
нагрянули в село.

Пускай в горах повсюду страх
сопутствует врагу.
Вокруг села уже в горах
отряд залег в снегу.

Зуфар, хоть горский человек,
не ведал до сих пор,
что пахнет итальянский снег,
как снег Кавказских гор.

И он лицом к нему приник,
вдыхая запах трав,
и оторвался в тот же миг,
и прокричал, привстав:

— Отряд! За мной, вперед!
Ур-р-ра!

И в предрассветной мгле
гремела каждая гора
и каждый дом в селе.

Все окруженное село
ответило огнем,
и стало так вокруг светло,
как лишь бывает днем.

Зуфар пополз на пулемет,
а тот строчит, строчит.
Граната грохнула, и вот
фашистский дзот молчит.

Недолго длился этот бой,
всего лишь, может, час.
Зуфар увел сельчан с собой,
тех, что от смерти спас.

Когда рассвет рассеял тьму,
отряд не смог уйти,
враги устроили ему
засаду на пути.

Зуфар хотел прикрыть отход,
залег за пулемет,
но на поляне целый взвод
его в кольцо берет.

Погиб в горах он, как орел,
но был непобедим
и тем бессмертие обрел
в сердцах, спасенных им.

Зуфар!
Твоя старушка-мать
не дождалась вестей,
но сердце, может быть,
как знать,
все рассказало ей.

Моя Балкария!
Хоть ты
как будто и мала,
но, словно горные хребты,
встают твои дела.

История разобралась,
и понял в трудный год,
что к золоту не липнет грязь,
твой золотой народ.

Но мать Зуфара не смогла
прийти издалека,
чтоб у родимого села
испить из родника.

Хасан не покладая рук
трудился век почти.
В аул с ним возвратился внук.
чтоб в армию пойти.

Служить поехал в город Брест
и служит там боец,
где у святых навеки мест
служил его отец.

Чтут итальянские друзья
героя своего.
И преклоняюсь с ними я
пред подвигом его.

СОДЕРЖАНИЕ

Мой век	3
«Получил я от матери доброй в наследство...»	7
«Отчизне великой клянусь...»	8
«Меня поил здесь каждый ключ...»	9
«У доброго одна забота...»	10
«Живу воспоминанием одним...»	11
Любовь не умирает	13
Глухонемому брату	15
Тоска по родине	18
Сон	20
Горы ждут (Поэма)	23

Исса Жарахматович Боташев

ГОРЫ ЖДУТ

Стихи и поэма

Редактор *Р. Б. Семенов*

Художник *В. И. Бекетов*

Художественный редактор *И. Г. Абрамов*

Технический редактор *К. Б. Жамбеева*

Корректор *Г. Г. Тырнавская*

ИБ № 371

Сдано в набор 3/VII 1978 г. Подписано к печати 28/VII 1978 г. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 1. Физ. п. л. 3,375. Усл. п. л. 3,95. Уч.-изд. л. 3,95. Заказ № 7104. Тираж 2000 экз. Ч01498. Цена 60 коп.

Книжное издательство «Эльбрус». Нальчик, ул. имени адмирала Головки, 6.

Полиграфкомбинат имени Революции 1905 года
Управления по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли Совета Министров КБАССР
г. Нальчик, проспект им. Ленина, 33.